

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 340.131.6

**МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЙ ПРОСТУПОК
КАК ОСНОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЮРИСТА-ПРАКТИКА***Р.Г. Валиев***Аннотация**

В контексте исследования содержания норм профессиональных кодексов юридической этики выявляется юридическая природа морально-этического проступка и его идентичность правонарушению, что позволяет квалифицировать его в качестве основания юридической ответственности юристов-практиков. Дана критическая оценка конструктивным особенностям норм отдельных профессиональных кодексов юридической этики (Кодекса судейской этики), характеризующихся неопределенностью и обуславливающих исключительно дискреционный характер решения вопроса юридической квалификации поведения в качестве морально-этического проступка.

Ключевые слова: правовое регулирование, кодекс юридической этики, морально-этический проступок, юридическая ответственность.

Цивилизационное измерение современной профессиональной юридической деятельности актуализирует значение профессионально ориентированных морально-этических принципов и правил, призванных служить обществу гарантией высоконравственного поведения работников суда, прокуратуры, следственных органов правоохранительной системы, а также адвокатов и нотариусов (юристов-практиков). Важнейшим механизмом обеспечения высоконравственного и, следовательно, ответственного¹ отношения юристов-практиков к служебной деятельности и внеслужебному поведению призваны выступать профессиональные кодексы юридической этики: Кодекс судейской этики РФ, Кодекс этики прокурорского работника РФ, Кодекс этики и служебного поведения федеральных государственных служащих Следственного комитета РФ, а также Профессиональный кодекс адвоката РФ и Профессиональный кодекс нотариусов РФ. Решая задачу обеспечения профессионального статуса нравственным содержанием, кодексы юридической этики формулируют морально-этические стандарты профессиональной деятельности и личного поведения юристов-практиков. Данные акты значительно расширяют общенормативные основания юридической ответственности.

---

¹ В контексте настоящего исследования высоконравственное и ответственное поведение рассматриваются как адекватные друг другу понятия.

ности юристов-практиков, предусматривая дисциплинарную ответственность за нарушение не только профессиональной дисциплины, но и профессионально обусловленных морально-этических принципов и правил поведения. Так, наряду с нормами Закона о статусе судей в РФ, нормативным основанием дисциплинарной ответственности судей являются морально-этические принципы и нормы Кодекса судейской этики РФ. Исходя из изложенного, представляется актуальным исследование природы и сущности морально-этического проступка как основания юридической ответственности юристов-практиков.

От статуса морально-этического проступка в немалой степени зависит практика реализации юридической ответственности, в которой неизбежны определенные сложности, связанные с квалификацией морально-этических проступков в качестве основания юридической ответственности. Вполне логичным в этой связи является принятое Пленумом Верховного Суда РФ постановление от 31 мая 2007 г. № 27 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений квалификационных коллегий судей о привлечении судей судов общей юрисдикции к дисциплинарной ответственности» (ППВС). Изучение судебной практики показало, отмечается в данном постановлении, что, рассматривая заявления на решения квалификационных коллегий судей, суды испытывают определенные трудности при разграничении действий судей, подпадающих под признаки дисциплинарного проступка, и действий, не влекущих дисциплинарную ответственность (ППВС). На наш взгляд, такая же проблема разграничения существует и в отношении действий прокурорских и следственных работников, адвокатов и нотариусов, поскольку их квалификация в качестве дисциплинарных проступков осуществляется также на основании кодексов юридической этики. Поэтому исследование оснований идентичности морально-этического проступка дисциплинарному проступку представляет собой как практический, так и теоретический интерес.

Для достижения цели настоящего исследования, указанной в названии статьи, представляется необходимым решить следующие задачи.

Во-первых, исходя из содержания кодексов юридической этики, выявить правовую природу профессионально ориентированных морально-этических принципов и норм.

Во-вторых, в контексте теории правонарушений раскрыть сущность морально-этического проступка и установить его идентичность правонарушению.

В-третьих, выявить особенности институционализации дисциплинарной ответственности юристов-практиков за морально-этический проступок.

Предметно-содержательный анализ кодексов юридической этики позволяет убедиться в том, что эти акты состоят из норм, то есть имеют нормативный характер. В общеязыковом смысле слово «нормативный» означает, что изучаемый предмет имеет свойство регулятора. Однако в силу многообразия существующих социальных регуляторов (религия, мораль, этика, право и др.) и используемых ими социальных норм возникает вопрос о том, какой нормативностью характеризуются кодексы юридической этики. Исходя из конструктивных особенностей норм кодексов юридической этики, возьмем за методологическую основу исследования обозначенного вопроса модель нормативности как общеправовой конструкции. В этом аспекте нормативность позиционируется как важнейшее свойство

объективного права и имеет методологическое значение для определения идентичности социальных явлений правовым. С позиции указанного аспекта нормативности дадим характеристику норм кодексов юридической этики.

Во-первых, нормы кодексов юридической этики, как и нормы права, имеют своим основным содержанием принципы и правила поведения. Так, в ст. 1 Кодекса судейской этики РФ закреплено, что данный акт устанавливает обязательные для каждого судьи правила поведения при осуществлении профессиональной деятельности по отправлению правосудия и во внесудебной деятельности (КСЭ). Аналогичные правила содержит Кодекс этики и служебного поведения федеральных государственных служащих Следственного Комитета РФ, представляющий собой свод общих принципов профессиональной служебной этики и основных правил служебного поведения, которыми должны руководствоваться федеральные государственные служащие Следственного комитета (КЭСК).

Во-вторых, нормы кодексов юридической этики отвечают признаку формальной определенности норм права: в присущей нормам права форме они фиксируют права и обязанности их адресатов. При этом регламентация нравственной стороны профессиональной деятельности и внеслужебного поведения юристов-практиков основывается на использовании традиционных способов правового регулирования: дозволения, обязывания и запрета. Так, например, согласно ст. 1.4 Кодекса этики прокурорского работника РФ прокурорский работник в служебной и во внеслужебной деятельности обязан избегать личных и финансовых связей, конфликтных ситуаций, способных нанести ущерб его чести и достоинству, репутации прокуратуры РФ (КЭПР). Статья 2.1.4. содержит бланкетную норму, предписывающую соблюдать запреты, ограничения и обязанности, установленные действующим законодательством для государственных служащих (КЭПР). Норма п. 4 ст. 9 Кодекса судейской этики обязывает судью отказаться от рассмотрения дела, если есть предусмотренные законом основания для отвода судьи либо если может возникнуть конфликт интересов (КСЭ).

В-третьих, нормы кодексов юридической этики отвечают признаку легитимности (санкционированности) и обязательности. Они создаются и санкционируются уполномоченными органами и должностными лицами. Так, согласно Федеральному закону «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» Всероссийский съезд судей правомочен утверждать кодекс судейской этики и акты, регулирующие деятельность судейского сообщества (ФЗ 2). Кодекс этики прокурорского работника РФ утвержден приказом Генерального прокурора РФ. Кодекс этики и служебного поведения федеральных государственных служащих Следственного комитета РФ утвержден председателем Следственного комитета РФ. При этом закрепленные в кодексах нормы юридической этики обязательны для их адресатов.

В-четвертых, нормы кодексов юридической этики отличаются присущим нормам права общим, неперсонифицированным характером и рассчитаны на многократное применение. Так, в соответствии с п. 1 ст. 2 Кодекса судейской этики РФ действие Кодекса распространяется на всех судей РФ, в том числе на судей, пребывающих в отставке (КСЭ).

Наконец, нормы кодексов юридической этики характеризуются свойством правовой системности. Они взаимосвязаны с другими нормами права как

на уровне самих кодексов юридической этики, так и на уровне иных нормативно-правовых актов различных отраслей материального и процессуального права. Так, например, норма ст. 1.1 Кодекса этики прокурорского работника РФ (КЭПР) находится в системной взаимосвязи с нормами Конституции РФ, Закона «О прокуратуре Российской Федерации», федеральных конституционных законов и федеральных законов, а также иных нормативных правовых актов и международных договоров Российской Федерации, которые прокурорский работник обязан неукоснительно соблюдать при осуществлении служебной и внеслужебной деятельности.

Правовая системность охватывает и структуру норм права, которая представлена сложным сочетанием диспозиций и гипотез. Примером такого сочетания является норма п. 3 ст. 19 Кодекса судейской этики РФ, предписывающая судье воздерживаться от деятельности, предполагающей частые сделки или деловые отношения, если их участники являются стороной или представителями по делам, находящимся в производстве данного судьи (КСЭ).

Таким образом, профессиональная деятельность юриста-практика реализуется в рамках системной взаимосвязи и взаимообусловленности правовых и профессионально ориентированных морально-этических принципов и норм, предполагающих органичное единство правового и нравственного сознания.

Для выявления сущности морально-этического проступка и установления его правовой идентичности с правонарушением представляется методологически целесообразным исходить из положений теории правонарушений. Данные положения логично распространить на характеристику морально-этического проступка, рассмотрев его с точки зрения юридических признаков правонарушения и его состава.

Любое правонарушение, как известно, характеризуется признаком противоправности. Ранее было установлено, что нормы кодексов юридической этики обладают признаками норм права. Это дает основание оценивать действия, нарушающие предписания норм кодексов юридической этики, как противоправные.

Используемые в статусных законах и кодексах юридической этики нормативные технико-юридические конструкции так или иначе выражают запрет на совершение морально-этических проступков под угрозой применения дисциплинарной ответственности. Это означает, что морально-этический проступок характеризуется таким признаком правонарушений, как наказуемость.

Правонарушение всегда сопряжено с посягательством на приоритеты и ценности человеческого общества, законные (частные и общественные) интересы. Антиобщественная сущность морально-этических проступков в профессиональной юридической деятельности проявляется в том, что их совершение умаляет нравственную сторону урегулированных нормами права отношений и авторитет правоохранительных органов (авторитет судебной власти, прокуратуры, Следственного Комитета, и т. п.), а следовательно, и доверие общества к ним. В совокупности эти последствия можно объединить понятием морально-этического вреда, которое характеризует морально-этические проступки с позиции вредоносности как признака правонарушений.

С точки зрения технико-юридической конструкции морально-этические проступки можно рассматривать как правонарушения с формальным составом,

так как их объективная сторона не содержит прямого указания на наступление результата. Поэтому не важно, возникнут ли последствия в результате, например, того, что судья спал во время судебных прений сторон² или прокурорский работник, пребывая в отпуске и находясь в состоянии алкогольного опьянения, нецензурно выражался в общественном месте. Независимо от последствий подобные деяния не только формально нарушают морально-этические стандарты поведения, предусмотренные кодексами юридической этики, но и умаляют авторитет судебной власти и органов прокуратуры, а также подрывают доверие общества к правоохранительным органам. Более того, любой морально-этический проступок судьи или прокурорского работника, как, впрочем, и адвоката или нотариуса, означает также нарушение данной ими присяги.

При характеристике субъективной стороны правонарушения в качестве одного из существенных признаков выделяется виновность. Прямое указание на виновность как признак морально-этического проступка содержится в самих кодексах юридической этики. Такое требование, например, закреплено в п. 1 ст. 18 Профессионального кодекса этики адвоката РФ, согласно которому нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и настоящего Кодекса, совершенное *умышленно или по грубой неосторожности*, влечет применение мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных соответствующим законодательством (ПКА). Отсутствие умысла или неосторожности, обуславливающих нарушение морально-этических норм, исключает характеристику деяния как морально-этического проступка. В соответствии с п. 1 ст. 18 указанного акта не может повлечь применение мер дисциплинарной ответственности действие (бездействие) адвоката, формально содержащее признаки нарушения требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и настоящего Кодекса, предусмотренного п. 1 ст. 18, однако в силу малозначительности не порочащее честь и достоинство адвоката, не умаляющее авторитет адвокатуры и не причинившее существенного вреда доверителю или адвокатской палате (ПКА).

Вина традиционно определяется как внутреннее, психическое отношение субъекта к совершенному им правонарушению и его последствиям. Вина – это всегда проявление воли к нарушению юридических предписаний. Поэтому для признания морально-этического проступка правонарушением необходимо, чтобы он был совершен в условиях свободы выбора одного из возможных вариантов (правомерного или неправомерного) поведения, не обремененного объективными и субъективными препятствиями. Если, например, судья игнорирует нормативное требование п. 2 ст. 9 Кодекса судейской этики в условиях, которые объективно и субъективно свидетельствуют о его предвзятости по отношению к одной из сторон судопроизводства, то такое поведение образует состав морально-этического проступка (КСЭ). Что касается мотива, то данный признак субъективной стороны состава деяния не является определяющим для квалификации неэтичного поведения в качестве морально-этического проступка.

---

² Такая практика, как свидетельствуют видеоматериалы из Интернета, к сожалению, не ограничивается единичными случаями.

На основании рассмотренных признаков можно сформулировать следующее определение понятия морально-этического проступка как основания дисциплинарной юридической ответственности юристов-практиков. Это нарушающее требования норм общей морали и профессионально ориентированных принципов, а также норм юридической этики виновное неэтичное деяние (действие либо бездействие), за совершение которого предусмотрена дисциплинарная юридическая ответственность.

Нормативное закрепление морально-этических стандартов поведения юристов-практиков обуславливает необходимость обеспечения их реализации в качестве основополагающих императивов, относящихся к профессиональной деятельности и внепрофессиональному поведению. Институциональным юридическим средством обеспечения реализации морально-этических стандартов поведения юристов-практиков выступает дисциплинарная ответственность за нарушение предписаний профессионально ориентированных принципов, этических норм и норм общей морали, то есть за совершение морально-этического проступка. Морально-этический проступок как основание дисциплинарной ответственности хорошо известен российскому трудовому праву. В частности, п. 8 ст. 81 Трудового кодекса РФ предусматривает совершение аморального проступка работником, выполняющим воспитательные функции, в качестве основания расторжения трудового договора по инициативе работодателя (ТК). В отличие от общеправовой институционализации ответственности за аморальный проступок субъектов трудовых правоотношений, институционализация дисциплинарной ответственности юристов-практиков имеет локальный характер и адресована специальным субъектам, в отношении которых действуют статусные законы и кодексы юридической этики. Так, например, ст. 5.2 Кодекса этики прокурорского работника РФ содержит указание на то, что нарушение прокурорским работником норм Кодекса, выразившееся в совершении проступка, порочащего честь прокурорского работника, является основанием для привлечения его к дисциплинарной ответственности (КЭПР). Вместе с тем, например, ст. 22 Федерального закона «О статусе судей в Российской Федерации» закрепляет положение о том, что законодательство РФ о труде распространяется на судей в части, не урегулированной настоящим Законом (ФЗ 1).

Особенность институционализации дисциплинарной ответственности юристов-практиков за морально-этический проступок заключается и в том, что нормы о дисциплинарной ответственности, имея отсылочный и (или) бланкетный характер³, охватывают собой весь комплекс морально-этических проступков, которые могут быть квалифицированы в качестве основания дисциплинарной ответственности. Очевидно, что, исходя из такого характера норм Федерального закона «О статусе судей в Российской Федерации» и Кодекса судейской этики РФ, Верховный Суд РФ своим толкованием расширил содержание понятия дисциплинарного проступка судьи. Согласно разъяснению, данному в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31 мая 2007 г. № 27, под дисциплинарным проступком, влекущим дисциплинарное взыскание

---

³ Отсылочный и бланкетный характер, например, имеет норма ст. 12.1. Федерального закона «О статусе судей в Российской Федерации» (ФЗ 1).

в виде предупреждения или досрочного прекращения полномочий судьи, следует понимать не только нарушение норм названного Закона и положений Кодекса судейской этики, но и нарушение общепринятых норм морали, обязанностей при отправлении правосудия, правил поведения при исполнении иных служебных обязанностей и во внеслужебной деятельности (ППВС).

В отечественной юридической доктрине, как известно, сложилось два магистральных направления понимания юридической ответственности – в перспективном (позитивном) и ретроспективном (негативном) аспектах. В перспективном аспекте содержание понятия юридической ответственности в основном сводится к ответственному или правомерному поведению. Данный аспект можно в полной мере распространять на характеристику поведения юристов-практиков, не допускающих умаления своего профессионального статуса и адресованных им морально-этических стандартов поведения. Вместе с тем в современной парадигме отдается предпочтение интерпретации юридической ответственности в негативном (ретроспективном) аспекте. Об актуальности рассмотрения юридической ответственности в негативном аспекте свидетельствуют и нормы статусных законов и кодексов юридической этики, закрепляющие положение о дисциплинарной ответственности. Морально-этическим проступком в контексте норм кодексов юридической этики является нарушение закрепленных в них требований, имеющих императивный характер. Так, согласно ст. 28. Кодекса этики и служебного поведения федеральных государственных служащих Следственного комитета РФ нарушением Кодекса признается невыполнение или ненадлежащее выполнение государственным служащим установленных Кодексом принципов, норм и правил поведения (КЭСК).

В отличие от аморального проступка в контексте п. 8 ст. 81 Трудового кодекса РФ (ТК), понятие морально-этического проступка юристов-практиков включает в себя не только нарушение принципов права, норм статусных законов (например, закон о статусе судей в РФ) и кодексов юридической этики, но и нарушение норм общей морали. При этом морально-этический проступок является идентичным дисциплинарному проступку. Об идентичности дисциплинарного и морально-этического проступка свидетельствует, например, ст. 12.1 Закона о статусе судей в РФ, согласно которой за совершение дисциплинарного проступка (нарушение норм настоящего Закона, а также положений Кодекса судейской этики) на судью может быть наложено дисциплинарное взыскание (ФЗ 1). Об идентичности дисциплинарного и морально-этического проступка свидетельствует и раздел «VIII. Дисциплинарные проступки» Профессионального кодекса нотариусов РФ, в котором в одном перечне с профессиональными дисциплинарными проступками значится нарушение морально-этических норм, предусмотренных настоящим Кодексом (ПКН).

Таким образом, нормы статусных законов и кодексов юридической этики, закрепляющие положение о дисциплинарной ответственности, свидетельствуют об актуальности рассмотрения юридической ответственности в негативном (ретроспективном) аспекте.

Рассматривая вопрос о правовой идентичности морально-этического проступка, следует отметить, что в отношении юристов-практиков, например судей, в качестве основания дисциплинарной ответственности выступают и существенные

процессуальные нарушения либо нарушения материального права, повлиявшие на исход дела и принятие явно незаконного судебного решения. Указанные нарушения являются основанием дисциплинарной ответственности при наличии признака виновности, отсутствие которой позволяет квалифицировать действия судьи в качестве судебной ошибки.

Рассматривая вопрос о квалификации тех или иных форм поведения в качестве морально-этического проступка юристов-практиков, нельзя не отметить противоречивые моменты содержания отдельных морально-этических норм, так или иначе влияющих на решение вопроса о дисциплинарной ответственности.

Во-первых, в юридических кодексах этики наряду с типичными технико-юридическими конструкциями используются нетипичные. Например, в Кодексе судейской этики РФ, наряду с такими общеправовыми технико-юридическими конструкциями, как «судья вправе», «судья имеет право», используются нетипичные: «судья не должен», «судья должен», «судье не следует», «судье следует». Императивность последних является спорной, поскольку если рассматривать конструкцию «должен» как синоним конструкции «обязан», то для конструкции «не должен» синонимом, соответственно, будет «не обязан». Подобная юридическая техника представляется по меньшей мере замысловатой, если не странной. Возникает вопрос, какой смысл преследовали авторы-разработчики данного акта, используя конструкцию «не должен», если она по своему смыслу является антиподом обязанности.

Во-вторых, применение юридической ответственности за морально-этический проступок зависит исключительно от дискреционных решений органов и должностных лиц, уполномоченных решать вопросы квалификации действий юристов-практиков в качестве основания дисциплинарной ответственности. Новый кодекс судейской этики (КСЭ) закрепляет положения, обуславливающие дискреционность решения вопроса о квалификации действий судей в качестве основания их ответственности. Таким, например, можно считать положение п. 1 ст. 6 указанного кодекса, в соответствии с которым судья должен избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти и причинить ущерб репутации судьи (КСЭ). Примером абсолютной дискреционности решения вопроса дисциплинарной ответственности является положение ст. 7 Профессionalного кодекса нотариусов РФ, в соответствии с которым в случае равенства голосов голос председательствующего на заседании является решающим (ПКН).

Весьма неопределенной представляется и оценочная конструкция нормы п. 1 ст. 14 Кодекса судейской этики РФ, требующая избегать всего того, что могло бы умалить авторитет судебной власти, вызвать сомнения в ее беспристрастности и справедливости (КСЭ). По большому счету говорить о справедливости в контексте новаций Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ (ФЗ 3), исключившего положение о несправедливости приговора как основании для отмены или изменения судебного решения в кассационном и надзорном порядке, по меньшей мере не актуально⁴. Между тем политическая целесообразность или ангажированность судебных решений по-прежнему остается

⁴ Подобная новация в условиях региональной замкнутости судов субъектов РФ вряд ли оправдана, если такой важнейший параметр правосудия, как справедливость судебного решения, не может быть предметом юрисдикции федеральной надзорной инстанции.

насушной проблемой судебной практики. В этой связи представляется необходимым отметить следующее. Поскольку положения Кодекса судейской этики о принципах и правилах профессионального поведения судьи касаются в том числе участия судьи в осуществлении судопроизводства, оценка законности и справедливости вынесенных судом решений, данная как субъектами обжалования, так и апелляционной, кассационной и надзорной инстанциями, должна осуществляться на основании Кодекса судейской этики. В противном случае правотворческая политика судейского сообщества в части институционализации положений гл. 3 данного кодекса будет лишена смысла, так как будет иметь исключительно декларативный характер.

Кодекс судейской этики содержит не имеющие четких дефиниций оценочные категории и конструкции, осложняющие как критичную оценку судьями своих действий, так и оценку действий судей квалификационными коллегиями на предмет соответствия оценочным конструкциям. Согласно п. 2 ст. 6 Кодекса судейской этики судья должен добросовестно пользоваться своими гражданскими правами и исполнять гражданские обязанности (КСЭ). Учитывая такого рода правовую неопределенность оценочных конструкций Кодекса судейской этики, можно утверждать, что практическая квалификация действий судей на предмет их соответствия требованиям принципов и правил зависит исключительно от дискреционной власти дисциплинарного органа, то есть обуславливает дискреционный характер решения вопроса об установлении факта и юридической квалификации действий судьи в качестве морально-этического проступка.

Кроме того, в правовом регулировании нравственной стороны статуса судей в контексте императивного метода используется способ рекомендаций, выражающийся в использовании диспозитивных технико-юридических конструкций, усиливающих неопределенность морально-этических норм и, следовательно, дискреционное начало в квалификации действий судей в рассматриваемом контексте. Так, например, согласно п. 3 ст. 19 Кодекса судейской этики судье следует воздерживаться от деятельности, предполагающей частые сделки, длительные деловые отношения с лицами, которые являются представителями или сторонами по делам, находящимся в производстве суда, где данный судья состоит в должности (КСЭ). Подобные конструкции противоречат природе Кодекса судейской этики и выражают непоследовательность дискреционной правотворческой политики субъектов судейского сообщества. Если следовать логике технико-юридической конструкции нормы п. 3 ст. 19 Кодекса судейской этики (КСЭ), то разовые сделки или деловые отношения разового характера с лицами, которые являются представителями или сторонами по делам, находящимся в производстве суда, где данный судья состоит в должности, не подпадают под действие указанной статьи, предусматривающей ограничения, связанные с участием в предпринимательской деятельности. Между тем и одной сделки может оказаться достаточно, чтобы она могла прикрывать собой коррупционные связи судьи с предпринимателем, выступающим стороной по делу. Поэтому абсурдность такой конструкции нормы более чем очевидна, равно как и ее коррупциогенность. Впрочем, квалификация того или иного факта всецело зависит от того, как он будет расценен уполномоченными дисциплинарными органами.

Анализ содержания норм кодексов юридической этики дает основание для следующих ключевых выводов настоящего исследования.

1. Специфика профессиональной юридической деятельности отражается на структуре ее правового регулирования, в которой выделяется система профессионально ориентированных морально-этических принципов и норм, призванных обеспечить ответственное отношение юристов-практиков к своему профессиональному статусу и поведению.

2. Нормы кодексов юридической этики имеют юридическую природу, что дает основание рассматривать их в качестве важнейшего компонента механизма публично-правового регулирования.

3. Нормы кодексов юридической этики имеют превентивное значение, выступая гарантией от произвола и безнравственного поведения юристов-практиков. Это в определенной мере «подушка безопасности», призванная защищать от морально-этических проступков как граждан, так и самих юристов-практиков.

4. Нормы кодексов юридической этики служат субсидиарным основанием общеправовой институционализации дисциплинарной ответственности юристов-практиков.

5. Нормы кодексов юридической этики уточняют и дополняют «каталог» дисциплинарных проступков, за совершение которых к юристам-практикам могут применяться меры дисциплинарной ответственности.

Summary

R.G. Valiev. Moral and Ethical Misconduct as a Basis of Legal Responsibility for Legal Practitioners.

In the context of the study of the norms of professional codes of legal ethics, the article reveals the legal nature of a moral and ethical misconduct and its equivalence to an offence, which allows qualifying it to be the basis for legal responsibility of legal practitioners. The work gives a critical assessment of the structural features of the norms of certain professional codes of legal ethics (Code of Judicial Ethics) characterized by ambiguity and purely discretionary nature of legal qualification of behavior as a moral and ethical misconduct.

Keywords: legal regulation, code of legal ethics, moral and ethical misconduct, legal responsibility.

Источники

- ТК – Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). – 2002. – № 1, ч. 1. – Ст. 3.
- ФЗ 1 – Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). – URL: <http://base.garant.ru/10103670/>, свободный.
- ФЗ 2 – Федеральный закон от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). Доступ из системы ГАРАНТ. – URL: <http://base.garant.ru/12126061/>, свободный.
- ФЗ 3 – Федеральный закон Российской Федерации от 29 дек. 2010 г. № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2011. – № 1. – Ст. 45.

- ППВС – Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 мая 2007 г. № 27 (ред. от 20 мая 2010 г.) «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений квалификационных коллегий судей о привлечении судей судов общей юрисдикции к дисциплинарной ответственности» // Бюл. Верховного Суда РФ. – 2007. – № 8.
- КСЭ – Кодекс судейской этики от 19 дек. 2012 г. (утв. VIII Всерос. съездом судей). Доступ из системы ГАРАНТ. – URL: <http://iv2.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm>.
- КЭПР – Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 17 марта 2010 г. № 114 «Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). – URL: <http://www.genproc.gov.ru/documents/orders/document-14294/>, свободный.
- КЭСК – Кодекс этики и служебного поведения федеральных государственных служащих Следственного комитета Российской Федерации (утв. Следственным комитетом РФ 11 апр. 2011 г.). – URL: <http://www.sledcom.ru/page/index.php?ID=288809>, свободный.
- ПКА – Кодекс профессиональной этики адвоката Российской Федерации (принят первым Всерос. съездом адвокатов 31 янв. 2003 г.) (с изменениями и дополнениями, утв. четвертым Всерос. съездом адвокатов 22 апр. 2013 г.). – URL: <http://www.fparf.ru/potms/codex.htm>, свободный.
- ПКН – Постановление Собрания представителей нотариальных палат субъектов РФ от 18 апр. 2001 г. № 10 «О Профессиональном кодексе нотариусов Российской Федерации». – URL: <http://to35.minjust.ru/node/2222>, свободный.

Поступила в редакцию
14.03.13

Валиев Рафаиль Газизуллович – кандидат политических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: raf.val.111@yandex.ru